

I

Для выявления творческих возможностей гениального художника слова нужны соответственные исторические условия, вне которых творческая мощь не найдет нужных форм выражения, вне которых его слово прозвучит глухо, не найдя резонирующей среды. Пушкина — великого национального художника мирового масштаба — выдвинула богатая событиями и мыслями историческая эпоха. В обстановке революционных бурь и послереволюционных войн, сотрясавших Западную Европу, в длительной тяжелой борьбе народных масс за свободу рождалась новая Россия.

На европейских языках и в неуклюжих переводах изуродованные цензурой мысли великих просветителей Запада, предвестников буржуазной революции, медленно, но неуклонно входили в сознание нарождающейся русской демократической интеллигенции, которой были не чужды страдания народа. Крепостные крестьяне, на десятки лет переодетые в солдатские шинели, сотнями тысяч исколесили вдоль и поперек страны Западной Европы, совершая героические подвиги. В городах прекрасной Италии, во время титанического перехода суворовских отрядов через Альпы, после кровопролитных боев на полях Германии, в оккупированных русскими войсками — после изгнания Наполеона — французских крепостях русские крестьяне вспоминали о далекой родине, пели прекрасные песни русского народа, мечтали о свободе. Изгнание наполеоновских войск из пределов России пробуждало естественное законное чувство народной гордости. В стихийном порыве к национальному возрождению, общему для России с другими странами Европы, вырастали лучшие люди века, века разума, просвещения и свободы. Разум — его тор-

жество, свободу, просвещение — провозглашали Радищев, его ученики и последователи; в великом уважении к освобождающему разуму, к просвещению Запада выросли друзья и сверстники Пушкина.

Встали из забвения драгоценные памятники народного творчества, утверждавшие права народа на историческое бытие, предвещавшие великие творческие возможности народа в условиях его возрождения, раскрепощения от физического и духовного порабощения. Воскрешенное после столетий забвения „Слово о полку Игореве“, героические песни народа и его прекрасная лирика, в многочисленных песенниках, в сборнике Кириши Данилова, ставшие доступными изучению и творческому усвоению и подражанию, являлись фактами рождения национального сознания и действенными факторами его развития. Настоящее связывалось с прошлым. В прошлом, его прекрасных отзвуках и воспоминаниях, видели — по-разному, в меру своих классовых настроений и симпатий — залог и предвестие блестящего будущего.

Карамзин, в отточенных периодах „Истории государства Российского“, утверждал величие русского народа в его крепнущей «государственности». Молодой Востоков, друг и соратник последователей и учеников Радищева, по Гердеру, мечтает дать „Поэзию и философию русских“ в памятниках устного народного творчества. К. Рылеев в своих „Думах“ блуждает по векам русской истории, на ее преданиях о подвигах мужества, любви к отечеству, закрепляя свои устремления к борьбе за свободу русского народа.

И в молодой русской литературе были уже свои героические имена. В истории жили Ломоносов, Фонвизин, Радищев; старшими современниками юности Пушкина были Державин, Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Батюшков; до конца дней Пушкина соратником его в деле создания национального языка, народной литературы, был баснописец Крылов.

Пушкин, гениальный поэт, человек изумительных творческих возможностей, явился для своего времени наиболее ярким и полным выразителем устремлений русского народа к самосознанию, к самоопределению, к возрождению в духе разума, просвещения, свободы. Усвоив лучшие достижения человеческого разума в прошлом и настоящем, вступив в своем творчестве в созвучную переключку с голосами народов всех времен, Пушкин внес в русскую литературу новое содержание, обогатил русское сознание новыми идеями, выковал могучий русский литературный язык, прекрасный инструмент чело-

веческой мысли, ясный и простой, всем доступный язык сурового гнева, пророческого восторга, нежной любви и крепкой дружбы.

В отношении русской литературы прошлого Пушкин явился не только законным наследником ее лучших достижений, не только завершителем предшествующего периода ее развития; Пушкин — в то же время и отрицание прошлого. То и другое вместе — утверждение и отрицание прошлого — и делают его истинным родоначальником новой русской литературы.

Пушкин многообразно связан со своими предшественниками и современниками. Связи преемственности и наследования с предшествующим литературным процессом идут у Пушкина очень глубоко. Интерес к народному творчеству — песне, сказке, поговorce, героическому сказанию — характерен для Пушкина. Он отличался широким знанием древнерусской письменности с тщательным изучением ее ценнейших памятников: „Слова о полку Игореве“, летописей. Теми же отношениями изучения и преемственности, в большинстве случаев кратковременной, связан он и с представителями русской литературы XVIII в. — Ломоносовым, Богдановичем, Державиным и другими; более органически — в плане направленности творчества — связан с Радищевым. Из старших современников ему наиболее близки Батюшков, Жуковский, быстро им превзойденные, и Крылов, движение которого к народности, к народному языку в литературе в известной мере созвучно пушкинскому.

В то же время Пушкин и его творчество — отрицание предшествующего и начало нового в литературе, в ее содержании и направленности, в формах и языке.

Будучи выразителем тенденций русской культуры к новому содержанию, Пушкин исторически противопоставлен предшествующей русской литературе. Литература русского классицизма XVIII в., даже и распатанного Державиным, в ее классово-сословной ограниченности, в ее бедности содержания, в ее направленности на избранного читателя, с ее пониманием искусства как украшения жизни, не отвечала потребностям нового века. Литература должна быть достоянием масс, средством обогащения их сознания, источником их просвещения, а не забавой для сословной черни. Пушкина не удовлетворяла аудитория одописцев XVIII в., он верил, что его читателями — в веках будут «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгуз, и друг степей калмык».

Пушкин внес новое содержание в обветшалые формы классической оды, трагедии, поэмы. Его оды „Вольность“, „Клеветникам России“ —

гимны свободе, манифесты народного гнева, народной гордости, пламенной любви к отечеству, а не панегирики царям и вельможам. Его трагедия выводит на сцену истинного деятеля и творца исторического процесса — народ. Его ранняя поэма, связанная с традициями литературы XVII в., ориентирована на чуждый XVIII веку источник поэтического вдохновения — на народное творчество, на предания, сохраненные поэтическим сознанием народа. От русского классицизма XVIII в. не было пути к развитию литературы. Недаром даже Державин, поэт громадного таланта, в XIX в. уже не был, не мог быть участником нового литературного движения, и лучшее, что он мог сделать, в гроб сходя, это благословить юного Пушкина.

„Бедная Лиза“ Карамзина не положила начала развитию русской художественной прозы XIX в. Русский карамзинский сентиментализм, лишенный связи с реальными нуждами народных масс, говоривший на слащаво-пухлом языке европеизированных крепостников, уводил литературу от действительности, а не приближал к ней. На линиях сентиментализма Карамзина — Жуковского русская проза не крепла. И эпигоны Карамзина окончательно лишили сентиментальную повесть всякого жизненного содержания. Недаром уже в 1805 г. мы слышим такую характеристику прозы карамзинистов: «Одному сентиментальному писателю потребно для сочиненного им романа немалое количество *притворной чувствительности, ложного сострадания, любовных вздохов и страстных восклицаний*. Желаящие вышеозначенные материалы поставить за сходную цену, а у него купить *невежества, грубого слога и незнания грамматики*, благоволят дать знать о сем через ведомости». ¹

Начало блестящему расцвету русской художественной прозы XIX в. было положено не сентиментальной повестью Карамзина, а повестями Пушкина и Гоголя. Точно так же и поэзия пошла не по пути Державина с его сословной ограниченностью, не по пути Жуковского с его романтикой религиозно-меланхолической резиньяции, а по пути Пушкина, бесконечно расширившего и обогатившего содержанием искусство слова.

В этом смысле, в отношении содержания литературы, был безусловно прав Белинский, когда он так характеризовал допушкинскую поэзию: «Это была поэзия до наивности невинная: она гремела одами на иллюминации, писала нелепые стишки к милым и была совершенно счастлива этими идиллическими занятиями. Действи-

¹ Журнал российской словесности, изд. Н. Брусиловым, СПб., 1805. № 12, стр. 173. Курсив журнала.

тельностью ее была мечта, а потому действительность ее была самая аркадская, в которой невинное блеяние барашков, воркование голубков, поцелуи пастухов и пастушек и сладкие слезы чувствительных душ прерывались только не менее невинными возгласами: «пою», или «о, ты священна добродетель» и т. п. Даже романтизм того времени был так наивно невинен, что искал эффе́кта на кладбищах и пересказывал с восторгом старые бабьи сказки о мертвецах, оборотнях, ведьмах, колдунах, о деве «за ропот на судьбу заживо уведенной мертвым женихом в могилу», и тому подобные невинные пустяки.

Бесконечно расширив содержание литературы, сделав ее выражением и средством изображения действительности, насытив свои произведения передовыми идеями века, Пушкин и в области языка литературы неизбежно должен был явиться новатором, поскольку язык предшествующей литературы, обедненный сословно-классовой замкнутостью и ограниченностью содержания, не мог быть средством культурного общения и просвещения народа, не был пригоден для полновесного выражения глубоких чувств и высоких мыслей гениального поэта.

Язык литературы до Пушкина был прежде всего ориентирован на сохранение культурной дистанции между господствующим классом, его интеллигенцией и народом, его задачей было не объединение нации, а разъединение, обособление «культурных слоев» от поработанного народа. И та борьба за язык литературы, которая развернулась в предпушкинские годы, ни в одной из основных борющихся линий — шишковской и карамзинской — не решала вопроса об основном пути его развития, а только подготавливала возможности его разрешения, блестяще и широко использованные Пушкиным.

В шишковском архаизме были, несомненно, ценные источники поэтической возвышенности и торжественности, поскольку Шишков обращал внимание поэта на богатейшие сокровища образности в древне-славянском языке, на котором создавалась наша древняя письменность. И Пушкин в свое время великолепно использовал эти возможности. Так, Максим Горький всегда с восторгом и удивлением наслаждался торжественным стихом пушкинского „Пророка“, звучащим как богатая серебром бронза старинного колокола.

Но в основных своих идейных устремлениях шишковский языковый архаизм был отравлен реакционными идеями подчинения, порабощения литературного языка ограниченному содержанию, авторитарному мышлению феодального средневековья. Шишков хотел связать язык литературы с религией, с идеологией неограни-

ченной монархии, с моральной проповедью смирения и рабства. Любопытно и показательно для эпохи, что «истинно-русская» теория Шишкова, неистового врага французского влияния в языке, была пропитана влияниями той же Франции, только не революционной, а реакционной. Я имею в виду не только шишковский „Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями“ (СПб., 1808). Не останавливаясь теперь на сближениях и сопоставлениях, которые увлекли бы нас далеко, я все же полагаю, что ненависть Шишкова к «новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции», ненависть к языку революции была навеяна равняемому русскому «славянофилу» памфлетом Ж. Ф. Лагарпа, в котором обнажена связь языкового архаизма с реакцией и языкового новаторства с идеями французской революции. Я имею в виду книжку Лагарпа, вышедшую в Париже в 1797 г. „Du fanatisme dans la langue revolutionnaire“ и, несомненно, дошедшую до русских патриотов — архаистов.¹

Русские ученики превосходно усвоили «философию языка» французского реакционера, и архаист Шишков не скрывал тесных связей церковно-славянского языка с идеологией монархии и клерикализма. По этому пути не мог пойти Пушкин. Это — путь рабства, духовной нищеты, ограждения языка от внесения в него новых свободолюбивых понятий, идей просвещения. В стране нарастали потребности широчайшего культурного общения людей, нарастали предпосылки национального возрождения, и шишковский архаистический пуризм был орудием борьбы против идейного и физического раскрепощения народных масс.

Карамзинская реформа литературного языка, ориентированная на язык французской литературы, хотя и была близка Пушкину по условиям его воспитания и образования, но не могла удовлетворить его устремления к народности в литературе. Карамзинисты, подобно своим «врагам» — шишковицам, в языке литературы искали обособления, отъединения от народных масс, а не слияния с ними.

И Пушкин превосходно понимал, что с его деятельностью рус-

¹ Лагарпа, например, возмущает выражение, созданное революцией для обозначения низшего духовенства *le basclerge*. Это выражение «непристойное, введенное распущенностью и надменностью». Лагарпу дорога латинская архаика (*superior-inferior*), великолепно приспособленная для «почтительного» определения различных степеней церковной иерархии. «Эта почтительность («респектабельность»), — говорит он, — у всех народов, имеющих религии, является первой и самой прочной основой власти принца», респектабельность — «принцип политический».

ская литература вступает в пору зрелости, что она становится общенародным достоянием, он писал о языке литературы: «В зрелой словестности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного избранного общества, обращаются к свежим вымыслам народным и странному просторечию, сначала презренному». Он хвалит произведения английских поэтов за то, что их произведения «исполнены глубоких чувств и мыслей, выраженных языком честного простолюдина». Русскому языку он хочет привить «прелесть нагой простоты». Источники этой «простоты» он ищет в сокровищнице народного творчества, ищет в народном просторечии.

Очень важно отметить в пушкинском понимании исторических судеб русского литературного языка, что наш великий поэт русский язык связывает с традициями столь значимой для всей Европы античной культуры, притом с основным и наиболее богатым и чистым ее истоком. В статье Пушкина „О предисловии господина Лемонте к переводу басен И. А. Крылова“ мы читаем:

«Как материал словестности язык славяно-русский имеет неоспоримые превосходства пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древне-греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон — сокровищницу гармонии, даровав ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи, словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимствует он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» (курсив самого Пушкина).

II

Современники литературной деятельности Пушкина не осознали полностью ее великого исторического значения. В печатных отзывах и в частной переписке современников Пушкина мы нередко находим правильные суждения их о месте и значении Пушкина в русской литературе. Но отзывы эти эпизодичны.

Спокойному и полному признанию великого исторического значения деятельности Пушкина его современниками препятствовала атмосфера борьбы, ожиданий, надежд и разочарований, связанных с его именем. Об этом хорошо сказал Н. А. Полевой вскоре после

трагической смерти поэта: «Пока он был жив, пока он являлся между нами, мы забывали Пушкина настоящего и смотрели в настоящем только на Пушкина будущего». Всем, продолжает он, было присуще «общее ожидание, что поэт новым, бурным переливом гения через скалы и утесы удовлетворит каждой новой потребности наших умов и сердец». И в этом «общем ожидании» Н. А. Полевой видит «меру гения» Пушкина для его современников.

Осознание исторического значения деятельности Пушкина, величия его творческого гения, понимание неизмеримости утраты, понесенной русской культурой и литературой, пришло только после безвременной смерти поэта.

Вскоре после смерти Пушкина наиболее ясное прямое признание исторической роли поэта, его гения, значения его для русской литературы мы найдем не столько в русских, сколько в зарубежных высказываниях ценителей и поклонников пушкинского таланта. Да это иначе и быть не могло по условиям русской жизни. Высокая оценка погибшего поэта считалась государственным преступлением. Печати было запрещено писать о Пушкине. Гневные, взволнованные стихи Лермонтова на смерть Пушкина повлекли за собой ссылку поэта на Кавказ.

Уже в „Очерках русской литературы“ Кенига, написанных в значительной мере по материалам и сведениям, сообщенным русскими, бывшими за границей, особенно Мельгуновым, мы читаем о Пушкине и его значении в истории русской литературы: «Он первый в России, подобно Гёте в Германии... стал на твердую почву поэзии и творил не субъективные, а объективные истинные образы, заимствуя их из прошедшего и настоящего». ¹

С большой искренностью и глубоким уважением к русскому поэту высказался другой великий славянский поэт — современник и друг Пушкина — Адам Мицкевич. Во французской газете „Le Globe“ (за 25 мая 1837 г.) Мицкевич напечатал „Биографическое и литературное известие о Пушкине“. Здесь он так говорит о Пушкине: «Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой великой степени соединяет в себе столь различные и, повидимому, друг друга исключают качества».

Но, высоко расценивая гений Пушкина, Мицкевич сообразно своим философским и политическим воззрениям и сообразно своему пониманию исторической роли России, отрицательно смотрит на

¹ На немецком языке книга Кенига вышла в конце 1837 г.; мы цитируем ее по русскому переводу, вышедшему в СПб. в 1862 г.

дальнейшее развитие русской литературы: он не верит в ее будущее. Для него Пушкин не является залогом, предвестником ее блестящего расцвета. В лекциях, читанных в Collège de France, он говорит: «Конечно, остаются еще великие дарования, пережившие Пушкина, но на деле русская литература с ним кончилась;... русская литература надолго заторможена».

Иначе смотрит на завтрашний день — после смерти Пушкина — русской литературы ее немецкий знаток и ценитель Варнгаген фон-Энзе. В своей статье 1841 г. „О новейшей русской литературе“ В. фон-Энзе находит «мало обоснованными» жалобы русских на упадок и оскудение русской литературы после смерти Пушкина.

«Правда, — говорит он, — ранняя смерть Пушкина — незамеченная утрата, и на смену ему не пришел другой гений». «Разве, — спрашивает он, — не осиротела Германия после смерти Гёте, Англия после смерти Байрона? Заменяли ли того и другого подобный им дух? И все же мы не имеем права говорить, что немецкая или английская поэзия пришла в упадок. Ведь они — и Гёте и Байрон — продолжают жить действительно, и в современной поэзии Германии участие Гёте так же полновесно, как и двадцать — тридцать лет тому назад. Дары гения действуют длительно и даже действуют как новые, так как, чем богаче они истинной молодостью, тем они медленнее стареют».

Поэтому он говорит о Пушкине, как о «главе и вожде» современной литературы.

И далее немецкий критик говорит о цветущем состоянии русской литературы, из старых писателей выделяя особенно Жуковского, Крылова, Одоевского, Вяземского, Языкова, говорит о «выдающемся таланте» «вышедшего из народа» поэта Кольцова. Но пальму первенства в современной ему русской литературе он отдает молодым первоклассным писателям, достойным продолжателям дела Пушкина — «гениальному» Гоголю и «блестящему, многообещающему» юному поэту Лермонтову; на первое место среди русских критиков он решительно ставит Белинского, в то же время высоко расценивая передовую русскую критику (весьма «осведомленную, вдумчивую», выполняемую «благородным, самостоятельным» отрядом русских писателей).¹

Из русских критиков Белинскому выпала на долю честь после смерти Пушкина охарактеризовать «гений» великого поэта и определить меру исторического значения Пушкина в истории русской

¹ V a r n h a g e n v o n E n s e. Neueste russische Litteratur, Ermans Archiv für Wissenschaftskunde von Russland, № 1, 1841.

литературы и русской общественности. Для Белинского Пушкин — великий русский поэт, от него идет гордое начало периода уже «народной» русской литературы. На лучших произведениях современной ему литературы Белинский отмечает действенность пушкинского наследия: «без „Онегина“ был бы невозможен „Герой нашего времени“, так же как без „Онегина“ и „Горе от ума“ Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины». Определив сущность пушкинского гения, как «вечно живущего и движущегося явления», Белинский утверждает действительное значение пушкинского наследия и для грядущих эпох — для культуры, для литературы.

Определение Белинским меры исторического значения для русской литературы деятельности Пушкина, эстетическая оценка его отдельных произведений и оценка особенностей поэтического таланта Пушкина в целом входят надолго в обиход и русской науки и русской публицистики, являются отправными моментами и популярных обобщений русского историко-литературного процесса.

Продолжая линию Белинского, вождь революционной демократии шестидесятых годов, Чернышевский в „Очерках гоголевского периода“ ставит Гоголя рядом с Пушкиным: «Гоголя должно считать отцом русской прозаической литературы, как Пушкина отцом русской поэзии». Чернышевский нисколько не умаляет исторического значения Пушкина в развитии литературы. Признавая и высокие достоинства пушкинской прозы, ставя в образец писателям своего времени ее изумительную «сжатость», Чернышевский неоднократно повторяет, что «до Пушкина не было в России истинных поэтов: русская публика знала поэзию только по слухам из переводов, или по слабым опытам, в которых искры поэзии гасли в пучинах риторики или льдах внешней холодной отделки».

Особенно высоко Чернышевский расценивает культурную роль пушкинского наследия. По мнению Чернышевского, — и в этом мы полностью наследники его мысли, — Пушкин не только создатель новой русской литературы, но и воспитатель новых читателей, приобщивший к литературе широкие демократические круги. Через Пушкина, писал Чернышевский, «разлилось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до него литературные интересы занимали немногих. Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела».

Не нужно забывать, что был длительный момент в истории русской общественности и литературы, когда Гоголь и его критический

реализм противопоставлялись Пушкину и его реализму утверждения жизни. Этому противопоставлению положил начало Белинский, который духовным вождем современной ему литературы поставил автора „Ревизора“ и „Мертвых душ“. Мысли Белинского привял и развил Чернышевский, борющийся за гоголевское «критическое» направление в литературе. В понятие этого критического направления он вкладывал то же содержание, что и его предшественник Белинский. Выражая основные устремления крестьянства к ликвидации феодализма с крепостным правом, самодержавной монархией, бюрократическим государственным аппаратом, великий русский просветитель призывал литературу к борьбе с основным злом русской действительности, призывал литературу к реалистическому изображению пошлой действительности в целях ее разоблачения и конечного уничтожения.

Но ни Белинский, ни Чернышевский, ни Добролюбов, поднимая на щит Гоголя с его бичующим «пошлость» смехом, не противопоставляли гоголевскую линию развития литературы и пушкинскую линию как взаимоисключающие. Они одержали блестящую победу в борьбе за Пушкина с феодальной реакцией, представители которой, а также и буржуазные либералы — постепеновцы — пытались «эстетизировать» наследие Пушкина, вывести ценное культурное достояние нации с фронта социальной и политической борьбы. Великие просветители сохранили для народа ценнейшие возможности культурного развития в направлении свободы и истинного просвещения, которые несло в себе пушкинское наследие.

Критическая мысль просветителей, только в плане развития которой они воспринимали и принимали Гоголя, была выкована в пафосе страстного напряжения борьбы, в устремлениях истинного гуманизма, в мечтах о грядущем утверждении светлой, радостной действительности. И в мечтах об этом светлом будущем они шли не рядом с Гоголем, загутавшимся в мучительных противоречиях; их пафос отношения к действительности — ее отрицания во имя приближения новой, истинной — был родственен пушкинскому духу.

Утверждая гоголевский критический реализм, идеологи крестьянской революции никогда не делали ни малейшей уступки писаревскому «радикализму». Их понимание «пользы» поэзии было ближе к пушкинскому пониманию общественного значения искусства, чем к писаревскому отказу от «эстетики» и от пушкинского наследия.

Недаром люди, даже частично только подпавшие под влияние передовой мысли шестидесятых годов, пародируя произведения

Пушкина, одновременно полемизировали с Писаревым и сохраняли полное уважение к личности поэта, понимали непреходящее значение его наследия. Вот, например, как заканчивает Д. Минаев свой роман-пародию „Евгений Онегин нашего времени“:

Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической поверке,
Перекроил по новой мерке
И перешил на новый лад.
Но я ли в этом виноват.
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела
И слава та же, что была.¹

Для нас нет никакого сомнения, что в своей личной художественной практике Чернышевский, создавая такой действительный для ряда поколений образ «аскета» Рахметова, развертывая волшебные сны Веры Павловны, в духе Пушкина утверждал желанную ему действительность, был ближе к пушкинскому оптимизму, чем к гоголевскому «смятенному» постижению путей бешеной русской тройки.

Из русских классиков прошлого, пожалуй, Гончаров наиболее четко осмыслил конечное единство пушкинского и гоголевского начала в развитии русской литературы. Для него «Пушкин — отец, родоначальник русского искусства, как Ломоносов — отец науки в России». И «сам Гоголь, — продолжает он, — объективностью своих образов, конечно, обязан Пушкину же. Без этого образца и предтечи искусства Гоголь не был бы тем Гоголем, каким он есть. Прелесть, строгость и чистота формы — те же. Вся разница в духе, быте, обстановке и в сфере действия, а творческий дух один, у Гоголя весь перешедший в отрицание» („Лучше поздно, чем никогда“).

А для наших дней противопоставление гоголевского начала пушкинскому в развитии русской литературы окончательно «снято», поскольку новой советской действительностью устранены те исторические условия, какие создавали для просветителей шестидесятых

¹ „Евгений Онегин нашего времени“. Роман в стихах Д. Д. Минаева, изд. 3-е, СПб., 1877, стр. 75—76.

годов необходимость «тактики» в отношениях к культурному наследию прошлого. Оглядываясь на наше прошлое, мы решительно утверждаем, что влияние Гоголя на русскую литературу, влияние его «критического реализма» шло в русле общего, данного Пушкиным русской литературе движения к свободе, к народности, к максимальному раскрытию противоречий действительности, в стремлении к наивысшей форме реализма.

В направлении такого пушкинского раскрытия гоголевских начал и разворачивается творческая деятельность лучших русских художников слова. Щедрин — наивысшее, яркое выражение в русской литературе прошлого века гоголевского «критического реализма». Но его беспощадное сатирическое отрицание действительности всегда патетически организовано глубочайшей любовью к народу, неугасимым заражающим пушкинским устремлением к утверждению истинной свободной, радостной действительности. Г. И. Успенский близок Гоголю не только в своей неумолимой честности критического отношения к действительности, но и как-то родственен ему «тоскующей мятежностью своего духа». Но и беспощадный критицизм, и гоголевская тоска Г. Успенского направлены пушкинскими устремлениями к гармонии, красоте, ясности, моральному здоровью человека. Этот чудесный писатель, так наивно-искренно ворчавший на Лермонтова за изысканность природы в его стихотворении „Когда волнуется желтеющая нива“, пропел в очерке „Выпрямила“ пушкинский гимн красоте, со слезами благодарности преклонился перед Венерой Милосской, изъеденный временем мрамор которой донес и до него чарующую улыбку здорового детства человечества. А в очерке „Не случись“ Г. Успенский радостно рассказывает своему читателю, что Пушкин своими стихами раскрыл глаза на природу крестьянскому мальчику, заставил его впервые почувствовать ее красоту: «Сколько раз я видел зиму, говорит у Г. Успенского этот мальчик, и нос отмораживал, и ноги знобил, и в снежки играл, а все не думал, что такое зима. А вот как прочитал стишок сочинения Пушкина про ту же зиму и про тот же снег, — и стала мне зима любопытна».

Жизнь Пушкина в русской художественной литературе, как организующего руководящего начала, разворачивается с первых шагов его поэтической деятельности, начинается с пушкинских вольнолюбивых стихов, с „Руслана и Людмилы“. Поэт стал средоточием, вождем целой линии литературного направления, представителя которого все прошли школу Пушкина, учась у него языку, постигая тайну прелести его стиха.

В многообразных направлениях разворачивается влияние Пушкина на литературу после смерти поэта. Прежде всего образ поэта, как писателя определенных жизненных начал, как выразителя передовых направлений эпохи, входит в художественную литературу, и стихи Лермонтова, Кольцова, Тютчева способствовали утверждению общенародной значимости литературы и ее гениального вождя в большей мере, чем тома кропотливых научных исследований. Пушкин живет в стихах Некрасова. Поэт-демократ в сознании высокой культурной ценности поэзии Пушкина говорит своему читателю о Пушкине как поэте, близком и понятном ему („О погоде“).

В „Декабристах“ Некрасов связывает Пушкина с лучшими людьми, с передовыми идеями прошлого. Пушкин у Некрасова говорит декабристам:

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами...

По Некрасову, Пушкин мечтает после „Пугачева“ проехать за Урал, в Сибирь, где томятся декабристы, но —

Поэт написал „Пугачева“,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать свое слово.

Новому читателю, читателю из народа, поэт революционной демократии хотел привить те же чувства любви и уважения к Пушкину, какие питал и сам.

Все лучшие поэты дореволюционной поры отдали дань любви и уважения великому поэту в своих стихах, в меру своего таланта и гражданского пафоса заклеямили врагов поэта, оборвавших его прекрасную жизнь. И поэтический облик Пушкина, созданный русской художественной литературой, через весь прошлый век проходит, как своего рода моральное мерило для каждого честного писателя, ибо о Пушкине можно говорить только, как о поэте-гражданине. Как с живым, как с современником, как с соучастником нашей борьбы говорят с Пушкиным поэты наших дней — Маяковский, Багрицкий, говорят сотни поэтов всех народов СССР, которые на стихах Пушкина вырастают в культуру. Жизнь Пушкина рассказывают народу наши прозаики (Ю. Тынянов и др.).

Значение языка Пушкина в истории русской литературы прекрасно определил М. Горький: «Пушкин... первый, — писал М. Горький, — показал, как следует пользоваться речевым материалом

народа, как надобно обрабатывать его». «Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого».

К тому же призывает М. Горький и советских писателей, настойчиво разъясняя им, что «в числе грандиозных задач создания новой социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама». И в качестве первоклассного учителя организации языка и его очищения всегда указывал на Пушкина.

Алексей Максимович прекрасно понимал, какую громадную организующую роль язык Пушкина сыграл в первую эру широкой демократизации нашей литературы, в шестидесятые и следующие годы, когда в литературу хлынули представители демократических слоев народа, выходцы из разных сословий, из разных местностей нашей обширной страны. Все они принесли свой язык с его диалектическими, сословными, профессиональными особенностями; они обогатили язык, расширили его лексику, усилили возможности восприятия литературы начинающими приобщаться к культуре читателями. Но в этом расширении была и опасность проникновения в литературный язык под флагом «народности» тех или иных элементов чрезмерной этнографичности, опасность засорения языка ненужными, затрудняющими общее понимание диалектизмами. И здесь мудрость Пушкина служила показателем меры и такта, была организующим началом в стихийном процессе обогащения языка.

Ту же услугу, полагал М. Горький, Пушкин может оказать и литературе наших дней. И тем большую, что язык предреволюционной литературы часто сознательно был засоряем буржуазными прозаиками и поэтами языковым «паразитарным хламом».

От Пушкина идет процесс сближения литературы с народным творчеством. На этом пути лежат неисчерпаемые источники ее обогащения. Пушкин был одним из первых поистине строго научных ценителей и собирателей памятников народного творчества.

Вс. Миллер сказал по поводу пушкинского „Жениха“: «... Комбинация «народных материалов» здесь, как и в других воспроизведениях, поэтом народных сюжетов, навсегда останется для нас тайной, как работа творческой мысли гения, но самые материалы — сюжеты, язык — были почерпнуты художником в самом народе, который он изучал с любовью и вниманием этнографа». ¹ Постижению этой

¹ Вс. М и л л е р. Пушкин как поэт-этнограф. М., 1899, стр. 47.

«тайны» учился у Пушкина Лермонтов, когда создавал свою „Песню про купца Калашникова“. В школе Пушкина чеканят свою «народную» и в то же время столь самобытную песню Кольцов и Некрасов. Вершина движения по пушкинскому пути к народности в наши дни — М. Горький. Он не перепевает народных сюжетов, он не подражает языку народного творчества, но он — истинный сын народа — народный язык, народную мысль поднимает на высоту сознания, сам является наилучшим выразителем творческих устремлений народа.

Пролетарский художник великолепно постиг пушкинскую тайну комбинации народных материалов; к этому творческому достижению приглашает он и своих младших товарищей по искусству слова.

Пушкинские вольнолюбивые стихи, как наиболее четкое и ясное эмоционально-действенное выражение политической мысли его эпохи, эпохи декабристского движения, положили начало русской гражданской поэзии. Показательно, что А. Герцен, основатель первой зарубежной вольной типографии, наряду с публикацией „Путешествия“ Радищева, этой книги-мученицы, печатает в „Полярной звезде“ посвященные свободе, запретные для русского читателя, стихи Пушкина, Рылеева, Лермонтова. Эти стихи входят и в сборник потаенной поэзии Огарева и в другие сборники подобного типа, издававшиеся за рубежом.

Ясности политической мысли, страсти гнева и возмущения учатся у Пушкина Лермонтов, Огарев, Некрасов. Школы Пушкина — в стихе, в языке, в меткости сатирического презрения — не миновал и Добролюбов, создатель „Свистка“, не миновали и лучшие поэты „Искры“.

И если в революционной поэзии поздних народников, поэзии скорби и страданий, поэзии бессилия и упадка духа, в стихах символистов, которыми иные из них временно платили дань передовым настроениям своей эпохи, слышится иногда пророческий гнев, то этим они обязаны прежде всего Пушкину, как своему учителю, и П. Я. (Якубович-Мельшин), и Надсон, и Брюсов.

А. Блок в „Скифах“ непосредственно перекликается с Пушкиным, автором оды „Клеветникам России“, этим гневным выражением чувства народной гордости. В. Маяковский пафос пушкинского возмущения против деспотизма, замкнутый в строгие чеканные стихи „Кинжала“, „Вольности“, воплотил в новые формы, перевел на язык восставшей «улицы». Горьковские образы смелого сокола, гордого

буревестника воспринимаются нами в плане какой-то преемственности с пушкинским орлом, зовущим «узника» к свободе.

С особо убедительной наглядностью пушкинское влияние в новой русской литературе выражено в ее тематике, в постоянном обращении художников послепушкинского периода к тем проблемам, которые поставлены Пушкиным, и в первую очередь к теме «молодого человека», которую М. Горький считал ведущей для всей буржуазной европейской литературы нового времени.

У Пушкина эта тема, как русский национальный вариант обще-европейской темы, первостепенного общественного значения проходит по его творчеству, начиная с „Кавказского пленника“. У Пушкина она ставится и разрешается на пути движения его от романтизма к реализму, ставится как проблема развития личности нового времени, в плане решения вопроса о движущих силах русского исторического процесса. Как таковая она подхвачена и развернута последующей русской литературой. Но ни один из преемников Пушкина не подошел к ее разрешению с такой ясностью сознания, с такой силой критического отношения к своему классу, как это сделал автор „Евгения Онегина“. Ни „Пленника“, ни Алеко, ни Онегина он не утверждает в роли ведущих деятелей исторического процесса. Он осудил их буржуазно-эгоистический индивидуализм, и это особенно резко сделано им по отношению к Герману, русской разновидности буржуазного арривиста, который особенно прочные позиции надолго занял во французской литературе.

Любопытно, что суровый критик буржуазной либеральной мечтательности русских писателей прошлого века, крепко сросшихся с корнями дворянской культуры, — Салтыков-Щедрин, воскрешая на своих страницах героев романов Тургенева, Гончарова, Льва Толстого в роли чиновников особых поручений при помпадуррах, или либеральных земцев, не проделывает этой жестокой операции с пушкинскими молодыми людьми. Да это и понятно. Когда по-пушкински умный Щедрин, изумительно знавший все винтики дворянского аппарата русской государственности и общественности, выводит Лаврецкого, Рудина, Райского, Адуева, Левина, Марка Волохова, Кирсановых, Базарова, воскрешает грибоедовского Чацкого, он делает это с ясно осознанной целью развенчать их, как положительных деятелей исторического процесса. В этом плане беспощадной демократической критики дворянско-буржуазного либерализма, культурнической постепенщины, с пушкинскими «молодыми людьми» Щедрина делать нечего, ибо они развенчаны самим Пушкиным.

Продолжая тематическую линию Пушкина, развертывая ее в новой социально-бытовой и культурно-исторической обстановке в направлении гоголевского «критического реализма», и Тургенев, и Гончаров, и Л. Толстой, не говоря уже о Достоевском, не пошли вперед по сравнению с Пушкиным, а снизили тона его спокойной, но суровой классовой самокритики. Своих героев — и Лаврецкого, и Кирсановых, и Адуевых, и Райского, и Левина — они наградили такими свойствами носителей начал общечеловеческой культуры, что сделали как бы еще подлежащим спору вопрос об их праве решающего, руководящего участия в русском историческом процессе. Отсюда убийственный саркастический тон Щедрина в отношении к детям и внукам Онегина, Ленского, Печорина.

Тургенев в „Отцах и детях“ дал Базарова, Гончаров в „Обрыве“ — Марка Волохова, Достоевский в „Бесах“ — Ставрогина, младшего Верховенского. И здесь они не продолжатели Пушкина, не его ученики и последователи. В движении Пушкина к народности, к реализму не было предвестий, не было и намека на то «непонимание», выражаясь осторожно, которое проявили в отношении к становлению демократии и демократической культуры даже первоклассные русские художники, клявшиеся в верности заветам Пушкина.

То же произошло и с темой «маленького человека». В ее сентиментально-гуманистической постановке, в плане пробуждения добрых чувств к униженным, обездоленным людям и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский — прямые продолжатели Пушкина как автора „Станционного смотрителя“. Но и только. Пушкин создал Татьяну, Гринева, Белкина, Савельича. Создавая эти образы, Пушкин расширял содержание жизни, доселе входившее в поле зрения художественной литературы. Историю делают не исключительные личности, поставившие себя и социально-экономическими условиями поставленные над массами. История создается и движется побуждениями, действиями широчайших народных масс. Изучение «маленького человека» для Пушкина было познавательным продвижением к истокам массовых сил, к определению моральных начал исторического процесса. Татьяна, Гринев, Белкин не противопоставлены Пушкиным реальным личностям — декабристам, самому Пушкину. Для Пушкина они не были героями в том смысле, в каком понимала «героя» буржуазно-индивидуалистическая литература. У Пушкина они только разновидности массового русского человека, в которых при всей их культурной и социальной незначительности яснее проступают черты народности, чем в Онегинах, Германах. Истинного героя Пуш-

кин ищет в самом коллективе народа, ищет в лице вождей крестьянских восстаний — в Степане Разине, в Емельяне Пугачеве, ищет в таких выразителях ведущих устремлений нации, как Петр.

И в этом смысле особенно Достоевский, шедший вслед за реакционной поздне-славянофильской критикой (Ап. Григорьев, Н. Страхов), угашает дух Пушкина, а не движется им, когда поднимает на щит «смирненных и кротких», в его понимании, Татьяну, Белкяна как носителей истинно народных начал русского исторического процесса, когда заполняет свои романы и повести незаметными маленькими смиренными людьми, противопоставляя их гордым и дерзким Раскольниковым, Ставрогиным. Порой и сам Достоевский с изумительной ловкостью, как например, в „Бесах“, надевает на себя маску такого маленького человека, якобы объективно повествующего о диком разгуле на Руси разнузданных сил бесовского индивидуализма.

Историко-культурная общественная значимость тем, поставленных в литературе Пушкиным, повторяю, демонстрируется тем, что они снова и снова разрабатываются лучшими нашими художниками в условиях изменившейся действительности. Руссоистская тема противопоставления «естественности и цивилизации», свободного сына природы и человека, скованного условностями культуры, развернута Пушкиным в «байронических» поэмах, подхватывается Л. Толстым. На раскрытии ее Л. Толстой неоднократно поднимает голос возмущения против фальши, лживости, условности классовой культуры буржуазного общества. И в его возмущении «культурой» современного общества, в его разоблачении и отрицании буржуазного государства, суда, церкви, в противоречивом и непоследовательном выражении настроений и интересов патриархального крестьянства нашли свое выражение те свойства его таланта и мысли, за которые В. И. Ленин назвал Л. Толстого «зеркалом» русской революции.

Та же тема, сниженная в тоне, сдобренная мещанской чувствительностью и организованная не гордым и смелым разумом, а надуманным, якобы, мужицким смиренномудрием, движется в очерках и повестях народников типа Златовратского, потерявших веру в разум крестьянской революции.

И снова гордо зазвучала пушкинская тема в «босаяцких» повестях М. Горького; зазвучала как сознательный протест человека новой культуры против мещанской пошлости, духовного убожества звериной эксплуататорской культуры капиталистического общества.

Во многих темах, завещанных русской литературе Пушкиным, его продолжатели остались далеко позади родоначальника русской литературы. К теме крестьянского восстания, к теме пушкинских „Капитанской дочки“, „Дубровского“, песен о Степане Разине многократно обращались русские писатели, особенно писатели народнической идеологии или писатели с пережиточными народническими настроениями. Пушкин не был идеологом крестьянской революции, но он понимал историческую ее неизбежность. И разум великого поэта, его историческое мышление дали возможность Пушкину в реалистических повестях о крестьянских восстаниях подняться на высоту исторического беспристрастия, максимально, для своего времени, приблизиться к истинной народности.

Нашим писателям, пишущим на эти темы, ни В. Каменскому, ни А. Чапыгину в его „Разине“ не удалось стать на высоту пушкинского историзма. В большей или меньшей степени, в меру своих политических воззрений и симпатий, они не выходят за пределы крестьянской, мужицкой магии русского исторического процесса.

Петр I, в понимании Пушкина бывший носителем начал европейской культуры в новой русской истории, неоднократно привлекал к себе творческое внимание поэта. Развивая и расширяя мысли своего предшественника М. Ломоносова, Пушкин в утверждении дела Петра видит единственно возможный путь нормального развития страны.

В длительной идейной борьбе западников и славянофилов героический пушкинский Петр снижен художественной литературой, обеднен классово ограниченной и консерваторов-реакционеров, и умеренных либералов. Многочисленные романоделы разменяли богатое содержание сложной противоречивой личности Петра на бесконечное количество анекдотов, в которых совершенно потускнел образ грозного царя-преобразователя, созданный Пушкиным. Л. Толстой задумал роман о Петре, но не написал его. Мережковский рисовал образ Петра в мистическом тумане вне связи его дела с задачами эпохи, и только советская литература вслед за Пушкиным, на его путях, хочет связать порванные нити между первым этапом новой русской истории и нашей эпохой (роман А. Толстого).

До беспределности расширив содержание литературы, поставив и блестяще разрешив ряд исторически важных, эстетически значимых тем, из которых мы остановились только на немногих, Пушкин в то же время явился и законодателем жанров лирических, драмати-

ческих, жанров реалистической повести, романа в стихах, исторического романа, поэмы, сказки, в большинстве случаев и до сих пор не превзойденных.

Пушкин-прозаик нашел блестящих учеников и последователей, которые подняли русскую литературу на гигантскую высоту.

От пушкинского „Рославлева“ идет „Война и мир“ Л. Толстого. Придя в восторг от пушкинского отрывка „Гости съезжались на дачу“, Л. Толстой начинает писать „Анну Каренину“.

Женские образы пушкинских стихов-поэм, „Евгения Онегина“ — в их противопоставленности «земной и небесной» красоте (Татьяна и Ольга, Мария и Зарема) — продолжают свою поэтическую жизнь в чудесных романах Тургенева, Гончарова, Л. Толстого. От „Истории села Горюхина“ — прямой путь к щедринской „Истории одного города“. У Пушкина-драматурга, — не только у Гоголя, — учился Островский. Но если в области комедии, в области бытовой драмы Островский обогатил русскую сцену, дал подлинно народные произведения, то ни он „историческими хрониками“, ни А. Толстой своей „Трилогией“ не создали ничего, достойного сравнения с единственным пока в русской литературе „Борисом Годуновым“. Непревзойденными остаются изумительные по мастерству композиции, по глубине психологической характеристики, по ясности мысли, по красоте и мудрой простоте языка „маленькие драмы“ Пушкина.

Стиховая пушкинская культура широко освоена поэтами после-пушкинской поры, она стала для них как бы элементом начальной грамотности, легко приобретаемой и применяемой. Но тайна содержательности пушкинской простоты, его выразительной краткости и сжатости, меткости и многосмысленности пушкинского слова утеряна его слепыми учениками и подражателями. Учиться у Пушкина нужно стиху, как это и делают лучшие советские поэты, обогатившись опытом народного песнетворчества и овладев теми достижениями, которые нам оставили поэты, критически и творчески освоившие и перерабатывавшие пушкинское наследие, — Маяковский, Блок, Некрасов, Тютчев, Лермонтов.

III

Исчерпаны ли для русской литературы организующие, творчески движущие сокровища пушкинского гения? Нет. Пушкин — живой участник нашей литературной современности.

Влияние Пушкина на русскую литературу в условиях классового общества не могло осуществиться в полной мере. Мы знаем, что во-

круг Пушкина, как величайшей культурной и эстетической национальной ценности, шла напряженная борьба.

Тенденция вывода Пушкина за линию общественной борьбы посредством абсолютной эстетизации его творчества, восхваление его как жреца «чистого искусства» не умирала никогда. Эта тенденция была настолько упорна накануне размежевания русского освободительного движения перед крестьянской реформой, что в качестве одной из форм противодействия вызвала писаревское отрицание эстетики Пушкина.

Юбилейная речь Достоевского, провозгласившая Пушкина апостолом всепримиряющего смирения, была подготовлена критикой позднего славянофильства. Ап. Григорьев поднял на щит Белкина, «маленького человека», как выразителя основных качеств русского человека. Н. Страхов в 1874 г. объявляет музыку „Бориса Годунова“ Мусоргского «уродливой и чудовищной», ибо в ней он услышал голос истинного Пушкина — реалиста и не нашел в ней того, что он приписывал своему искаженному Пушкину, не нашел «народности» с «преданностью государству», с «идеалом царя», с «верностью династии».

Реакционный общественно-политический и культурный смысл речи Достоевского великолепно охарактеризовал Щедрин злой репликой на нее в „Письмах к тетеньке“: «Ведь это только шутки шутят современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть под сенью памятника Пушкина, — писал Щедрин. — В действительности они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайны современности. Ибо они отлично понимали, что сущность пушкинского гения... в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно».

В. Соловьев, столь значимый в истории зарождения и оформления символизма как реакционной идеологии империалистической буржуазии, пытался снизить моральный облик поэта, объясняя трагическую смерть Пушкина его «нехристианской» гордостью: «Пушкин убит не пулею Гекерна, а своим собственным выстрелом в Гекерна» („Судьба Пушкина“).

Другой, более потаенный, негласный вдохновитель многих «оригинальных» мыслителей конца прошлого и начала нынешнего века, В. Розанов накануне пушкинского юбилея в 1899 г. заявлял, что «связь Пушкина с последующей литературой вообще пробле-

матична». Мережковский приглашал своих читателей к защите Пушкина от «демократического варварства» и в то же время отказывал ему во «всемирно-историческом значении», поскольку для гения, предвосхищая он фразеологию фашизма, необходимо «присутствие и в различных степенях гармонии взаимодействие двух начал — нового мистицизма как отречения от своего Я в божестве и язычества как обожествления своего Я в героизме».

Андрей Белый в 1910 г., в пору политической реакции, считал русскую литературу, идущую от Пушкина, «глубоко народной», но «народность» литературы видел в том, что она является носителем религиозных исканий интеллигенции и народа.

Не следует забывать, что все эти попытки искажения содержания пушкинского наследия шли под знаком лицемерного глубочайшего преклонения перед гением Пушкина, принятия его.

Буржуазно-либеральная интеллигенция в своей защите Пушкина не могла достойно ответить на попытки искажения заветов великого поэта, сама обедняя, опошляя истинно-революционную сущность гения Пушкина.

Неудивительно поэтому, что возведение в духовные вожди русской литературы Достоевского, упорно подготавливавшееся реакционной славянофильствующей публицистикой, не встретило должного отпора со стороны либеральной буржуазной интеллигенции. И нужен был революционный пафос пролетарского писателя М. Горького, чтобы поставить Достоевского с его проповедью христианского смиренномудрия на надлежащее место, как врага, как гасителя пушкинского подвига, а не его продолжателя.

Следует вспомнить, что отсутствие истинной органической связи с Пушкиным у Достоевского очень правильно подметил П. Мериме, горячий поклонник и пропагандист русского поэта во Франции, называвший Пушкина «величайшим поэтом своей эпохи». Прочитав по настоянию своих русских друзей один из романов Достоевского, он писал А. Д. Лонгиновой: «Достоевский мне не нравится, в нем есть какая-то напряженность и экзальтация чувств, а это вредит ясности художественного созерцания. Он вышел скорее из Виктора Гюго, чем из Пушкина. Можно ли и достойно ли русскому писателю, имеющему такой высокий образец, следовать по стопам Гюго и вдохновляться им?»

Не мог быть полностью и правильно освоен русской литературой Пушкин и потому, что, как сказал Тургенев, «слабость племени или порабощение его вызывает разобщенность с лучшими людьми».

Народный великий поэт во всей полноте своей гениальности раскрывается только великому свободному народу. Как во времена детства человечества, когда весь народ античной Эллады наслаждался распедами гомеровского эпоса, так и ныне у нас, впервые в новой истории, своего национального поэта любит и читает весь свободный народ.

Гуманизм Пушкина, его ясный разум, дух свободы и просвещения, прелесть его стиха — великий дар далекого прошлого будущему. И это пушкинское «будущее» — радостная действительность наших дней строительства социализма, расцвета литературы социалистического реализма, предвестником которого был мудрый пушкинский реализм. Голос свободной радостной пушкинской поэзии перекликается с нашей эпохой.

Юный Пушкин, как бы предчувствуя судьбу своих созданий, писал в 1819 г.:

Художник варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с годами
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Возрождение Пушкина пришло, и не может не быть великой литературы нашей страны: на заре расцвета ее жил и творил Пушкин, в условиях советской культуры она стала достоянием не только избранных, а творческим и радостным делом всего народа.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С. ПУШКИНА

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 — 1937

Издательство Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

1 9 3 8